

18+

A watercolor illustration of a bumblebee with a yellow and black body and translucent wings, perched on a large sunflower. The sunflower has bright yellow petals and a brown, textured center. The background is filled with soft, painterly washes of yellow, orange, and pink, suggesting a field of flowers.

МОЯ УСТЬ-ЛАБА

Людмила Тушина

Людмила Гущина Моя Усть-Лаба

<https://litres.ru/74160909>

ISBN 9785007067850

Аннотация

«Моя Усть-Лаба» это не учебник и не хроника, а живая память: горькая и светлая, страшная и уютная, настоящая. Здесь рядом живут трагедия оккупации и озорные семейные истории, ледяной холод войны и тепло домашнего порога.

Это книга-благодарность родным, книга-предупреждение и книга-напоминание: пока мы помним, прошлое не исчезает.

Я благодарна моей семье, моей Усть-Лабе, вам, мои дорогие читатели.

Содержание

Предисловие	5
Мои истоки	9
Прадед Павел. Дед Андрей	18
Прадед Тихон. Бабушка Пелагея	27
Когда папа был...	37
Элегантность без пафоса	38
А крыша — подождёт!	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Моя Усть-Лаба

Людмила Гущина

© Людмила Гущина, 2026

ISBN 978-5-0070-6785-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Наряду с тем, что косвенно занимаюсь внуками, детей воспитывать уже поздно, решила исследовать своё генеалогическое дерево. Неожиданно поняла, что могучие корни, мои предки, до сих пор действительно питают крону — нас, потомков. Предки, как вы всё вынесли? И Ледовое побоище, и Куликово поле, да и вообще — изгнание из Рая.

Листаю старые фотографии. Всё как у Вероники Тушиновой:

В альбомчике школьном снимки:

Сосны. Снега. Стога.

В рыже-лиловой дымке

Давние берега.

Всё, что тогда любила, —

Выцвело, отошло.

Помнится только — было.

Ну, было — и хорошо!

Как-то стала участницей январского профсоюзного съезда в Москве. Привычный официоз неожиданно разбавили экскурсионной поездкой на автобусах во Владимир и Суздаль.

Зима. Сильнейший злобный мороз с жестокой вьюгой и гололёдом. Замёрзли до состояния сосулек, околели, вымо-

тались. Оказались не готовы к неожиданной спонсорской поездке. Нервы на пределе. Командировка затягивается, дома ждут, одеты не по сезону легко. Все просто отупели от обилия эмоций, погоды, бытовых неурядиц.

На улицах — полное отсутствие людей, транспорта. Только бесконечный простор, метель, снег, опять снег, опять метель. Ты один на один со временем, с пространством. Масса впечатлений за минимум времени.

Успенский и Дмитриевский соборы, монастырские ансамбли в окружении стен и башен. Гид нам достался замечательный. С ним стали участниками давних событий XIII века — окружающая действительность способствовала этому впечатлению.

— Со страстью коллекционера собираешь их в своей душе, и они смягчают тяготы жизни, вселяя какую-то необъяснимую надежду. Древний город словно предлагает нам свой молчаливый великодушный союз. Не обмануть бы его доверия!

Я согласна с гидом. Смотрим диораму в экспозиции Золотых ворот. Осада Владимира монголо-татарами в 1238 году. Стрела времени. Так ясно и живо, так страшно, мучительно страшно.

Я пытаюсь вспомнить забытое, очень важное для меня событие. Сосредоточилась, напрягаю память. В голове что-то замкнуло. Пронеслись перед глазами какие-то трагические жизненные вехи, которые произошли почему-то со мной

много веков назад. Генетическая память?

Представила себя с моими предками-одногодками, вернее, я сама была этим предком на этой стене. И неожиданно для себя пожаловалась экскурсоводу:

— Как я устала обороняться, лить эту горящую смолу, кипяток, бросать эти тяжёлые камни в эту круговерть. Видеть эти свирепые лица. Бояться за своих детей в соборе.

Заболела спина, заломило руки, в лицо полыхнуло жаром.

И вдруг слышим от делегата из Татарстана:

— А как я устал нападать, бояться за жизнь своей семьи. Я вспомнил твоё лицо, ты лила кипяток из котла на мою голову. Ты обварила мне руки, обожгла лицо.

У него с памятью произошёл тоже какой-то сдвиг, замкнуло. Мы уставились друг на друга. Я испытала какую-то досаду: чего это я ляпнула, стыдно даже.

С удивлением услышали от озабоченного экскурсовода, что и горящая смола была, и кипяток, и дети в соборе. Всё здесь, на этом самом месте. И что «монголо-татары» (сейчас это выражение в историческом ракурсе считается некорректным) везли с собой на войну обозы с семьями. Семьи ожидали основное войско в лагерях как заложники, и их жизни зависели «от выполнения поставленных задач».

— Не стесняйтесь своих эмоций, это в вас говорят ваши предки на генном уровне, — сказал экскурсовод. И тихо добавил: — Я тоже там был в соборе. Я был ребёнком. Вы меня не помните? А я вас запомнил, и вы мне снились ночами.

Иллюзия перехода в другое время, массовый гипноз, психоз, память глубины веков? Что с нами случилось тогда? Стеснялись друг друга на обратном пути, не заговаривали об этом владимирском феномене. Но болела спина, горели руки, полыхало лицо, несмотря на минусовую температуру в автобусе.

Низкий поклон вам до земли, наши гордые предки. Нет, ПРЕДКИ. Вы остались в нашей памяти, мы вас ощущаем душой. Чувствуем вас волнами из космоса. Сливаемся с вами в мироздании. Ждите нас.

А стоит ли так уж печалиться,
Прощаясь с миром дорогим?
Ничто на свете не кончается,
Лишь поручается другим...

Утешила, успокоила, напомнила моя любимая Вероника Тушнова.

Мои истоки

Реальность переплетается с легендами, вымыслами, фольклором, сказками.

Вначале была черед предков, может быть, произошедших от обезьян, как утверждает теория Дарвина, или от космических пришельцев, а может, и от самого Создателя — рассматриваются разные теории, и ни одна не имеет доказательств. Потом были вольные казаки. Один из них — былинный Дончак.

И, наконец, согласно семейной легенде, родился Павел Гуца — прозвище, а может, уже и фамилия первенца донского казака Дончака. Никто из сверстников не мог сравниться с Павлом в ловкости и выносливости. Мальчик вырос большим, бесстрашным и добрым великаном.

— Евойный батько с маткой с самово батюшки-Дона, а деды евойные от Сечи самой Запорижской. А кровей-то, кровей ато намешано. Знамо, людины вольные. Дуже волюшку кохали. Родичи Павлушины переселилися на Кубань. Наказ такой вышел от казацкого начальству да от самоёй царицы.

На лошадь Павло садывся, у того лошака и ноги гнулися — здоровенный був, як тот тур. А кулаки с дыню. Но не шкодничал, ни. Тихова ндраву був. Бойцовый, кулачник, охотник — знатный. Как Илюшка-то, Муровец. Тот був наипервущим атаманом.

А Павло... Ежели на саблях, кинджалах, а то и на ножах засапожных, то в самую гущу ворогов. Лесовых кабанчиков, секачей значитца, немеряно добывал. Ведмеди были немалые. Шкуры-то медвежачьи на тулупы пошли. В сенцах видали шубёнки — состарились, а фасон держат. Это, мабудь, от Павла будя.

А рыбачил — сети сполна. И щучка, и сомишка, и стерлядка. А раки? С верхом намёты огромных, што твоя кошка. Знатный добытчик був. В самую гущу нырял, не трухал, ато и Гуща посла прозвали, — напевно, неспешно повествовала бабушка так ярко и красочно, как будто сама присутствовала при этих событиях.

И рыбу ловила, и раков из сети доставала. Полусказка, полупеленда, полубаллада надёжно усыпляла нас с братом.

«И я там был, мёд-пиво пил, по усам текло, да в рот не попало».

Бабушка «гутарила», перепрыгивая с одного языка на «другу мову», да так, будто «спивала писню».

В XV — XVI веках на окраинах Руси сложились Донское и Запорожское казачества, прикрывавшие собою южные границы государства Московского от набегов татар и турецких янычар. Это мы изучали по школьной программе.

Территорию от правого высокого берега реки Кубани до Дона стали называть Черноморией, а её первых поселенцев — черноморскими казаками.

Река Кубань с 1774 года — южная граница России.

Край высоких гор, бескрайних степей, богатых лугов и лесов, множества рек, озёр, лиманов. Самая яркая жемчужина в Короне Российской Империи.

Кубанские земли в то время были заселены мало. И непроходимые чащи леса, гущи камыша и плавни создавали тревожную военную ситуацию.

Через Усть-Лабинские земли прошли все известные Кавказу кочевники.

И прошло ни много ни мало — двести сорок пять лет с тех пор, как знаменитый полководец Александр Суворов укрепил Кубанскую линию обороны, приказав расчистить заросли, усилить пикеты, кордоны. Суворов был назначен командиром Кубанского корпуса.

В марте 1778 года Александр Суворов прибыл к устью Лабы, где спускалась к берегу непроходимая лощина, а с запада возвышался обрыв. На горе и порешил поставить казачий редут.

За казачьими войсками закреплялись в общем «вечное владение» большие пространства лучших земель.

В реестре перечислялись немалые живые богатства Кубани: олени, косули, кабаны, куницы, барсуки, и даже туры, зубры, коршуны, ястребы, дятлы, кукушки, чилим, ива, тополь, белая акация, дикие яблони, груши.

В 1860 году образовалась богатейшая Кубанская область. Родители Павла попали в крепость Александровскую благодаря государыне Екатерине и Черноморскому казачьему

войску.

Заселены были крепости донскими казаками после двух-годовых восстаний, уговоров и усмирения.

В 1794 году казаки основали первые сорок поселений — куреней. Их стали называть станами, станицами.

Среди первых станиц появилась и Усть-Лабинская на правом высоком берегу Кубани. В станице построили четыреста хат.

Казаки станицы Усть-Лабинской вошли в состав Кубанского казачьего полка.

Когда моя тётушка, папина сестра, рассказала бабушке Пелагее, что территория Усть-Лабы возвышается над уровнем моря на семьдесят метров, появились новые подробности нашего жития:

«На высочущей гори, и где взмахали крылами токмо орлы, Бог поклат свой нимб. Он сказывал, что токмо здеся лучшие ратники схоронят свои семьи от ворогов, а сами будут биться с нечистью до последняй кровушки. Токмо Усть-Лаба под заступкой Бога».

Сверху из крепости хорошо просматривалось устье реки, там, где впадает своенравная Лаба в грозную Кубань. И пропадает Лаба, перестаёт существовать, отдаёт свои воды старшей сестре. А сама остаётся только в названии крепости.

Вот что писали в 1970 году в справочной литературе: «Чудесная панорама слияния рек, между руслами которых зеленеет лес; начинающаяся от моста лента дороги с рядом вы-

соких белолистных тополей, делящая надвое левобережную низину; бурное течение реки открывается взору».

В 2024 году моей родной Усть-Лабе исполнилось двести тридцать лет — солидный, зрелый возраст.

А на левом покатом берегу — аулы адыгейцев.

Их предки, натухаевцы, проживали здесь издавна. Адыги — народ боевой, сродни чеченам, аланам.

Крепость Майкоп звалась «долиной диких яблонь».

У адыгейского писателя Тембота Керашева читаю: «По обычаю, усвоенному ещё издревле, аул теснился к реке. Скрытый в густой зелени кудрявых верб и акаций, он, казалось, был напуган прошлыми бедами... Высокий, тонкий минарет мечети маячил в прозрачном воздухе, и полумесяц на нём блестел, как надмогильный знак».

Казачья несла караульную службу, заменив собой пограничные войска. Схватка не на жизнь, а на смерть, постоянная борьба — это по-казачьи.

Павел защищал рубежи родной земли. А что ещё должен делать богатырь? Служить Отечеству, защищать отчий дом, живота не жалея.

Прошли лихие годы. Женился к тридцати годам. «А тож, справную узял с форштату, ну, с самоёй крепости будя. Тоже ж казацких кровей. У ей усе сродники служивые людины, казаки значится».

Форштадтом называли слободку, маленькое военное поселение, обнесённое земляным валом. В крепости находи-

лись то рота гренадёров, то рота мушкетёров, то эскадрон гусар, видимо, «летучих».

Родились дети — мальчик и девочки — и стали Гущиными.

Сергей Павлович был первенцем. Окончил церковную школу. Казак. «Есаул, а як же. Красавец наипервущий. Карахтером вин тихай був, но як зыркнёт глазищами — у-у-у. Белобрыстенький, курносенький. Чернявых да горбоносых сроду в родне не водилося».

Бабушка, как фея-крёстная, прожившая тысячу лет, всех знала в десяти поколениях, со всеми была знакома, присутствовала при всех событиях.

Я этим сказаниям безоговорочно верила. Очень гордилась своей родословной.

Из очередного военного похода есаул привёз красавицу черкешенку, которую его казаки захватили с обозом.

Видно, она очень полюбила бравого есаула, если приняла его веру, поверила в него как в своего бога. Оставила прошлую жизнь, хотя за неё родственники предлагали богатый выкуп.

Родила Сергею троих детей: двух девочек и сына Георгия.

«Померла смолоду, горевала, видать, на чужбине. В шальварах, замотанная по глазыньки, як кугутка, энта Зулейка. А заспивае, ото горлинка курлычет. Вокруг усе слезми заливаються. Гарна дивчина, — как сказку слушали мы бабушкин напев, — отседова пишла уся чернобривая родня».

И сейчас в нашей родне встречаются горбоносые кудрявые красавцы — брюнеты с чёрными сверкающими глазами, со сросшимися на переносице бровями.

Красивые, как боги, «киношные» Гришки Мелеховы. С кожей смуглой, как у детей Востока, и с необузданным характером.

Если обида, то навек: «Отрежу и убью». Гордецы — порывистые, неподкупные и тяжёлые в общении. Несдержанные, резкие, но очень гостеприимные: «Похвалил — бери, дарю, а то убью».

Что поделаешь — гены, они и через века — гены.

У Георгия в браке родилось четверо сыновей. Одни сугубо восточные и по лицу, и по характеру, другие — более равнинно-русского склада.

Когда молотили зерно и поднимался сильный ветер, который мешал работать, братья-джигиты хватали пустой мешок, мгновенно наполняемый ветром, и били его цепями, как виновника простоя: «Отрежу и убью».

Мой троюродный брат Геннадий, внук бабки Ельки, вылитый красавец-чеченец. Не одна девушка или молодуха, вздыхая, смотрела ему вслед.

Гущин Павел Георгиевич был старшим сыном. Родился в 1878 году. Погиб в 1924 году. Не прожил и полвека на этой земле.

Кроме сына Андрея и дочери Елены, Ельки по-домашнему, было много детей в роду, но они умирал при рождении

или в раннем возрасте.

На старом кладбище, почти на краю обрыва у яра, откуда видны обнявшиеся в схватке Лаба и Кубань, на родовых могилах Гущиных растут непроходимые, как джунгли, заросли кроваво-красной сирени.

Еще не была я —
Сирень зацвела,
Когда я исчезну,
Опять зацветёт.
И цвет её вешний,
От солнца завялый,
На сердце пригоршней
Земли упадёт...

Это Вероника Тушнова. И у неё был свой куст сирени в роду.

Сирень вырубали, но она разрасталась непомерно, буйно цвела и приторно, липко пахла кровью.

«Отступите, — говорила бабушка, — она кровушкой детиночек напитана. Тама детушек в земельке, без гробиков, но со слезми, почитай полсотня схоронены. Под сиренькой и схоронены. Нас дожидаются, ангелы, души безгрешнай. И от болезнев помирали, и с голодухи пухли, и убиенные были. В Царствии Небесном таперича».

И так в тумане омутной воды

Стояло тихо кладбище глухое,
Таким всё было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.

Николай Рубцов «Над вечным покоем»

Кроме этого страшного похоронного куста сирени, на кладбище — более ста могил предков.

И горькое начало положено бабушкой уже на новом кладбище, на Вольной.

Дожидаются нас, покоятся в земле, а их души, я думаю, в раю.

Все жили достойно. Любили, растили детей, работали, защищали Родину, любимую Кубань. Передали потомкам свою любовь, гордость и честь.

Лежите с миром, родные наши, любимые. Дождитесь нас.

Век человеческий недолог. Пройдёт время, и опять соберёмся большой казачьей семьёй. Недолго осталось ждать.

До конца, до тихого креста
Пусть душа останется чиста!...
Пусть она останется чиста
До конца, до смертного креста!

Николай Рубцов «До конца»

Прадед Павел. Дед Андрей

Прапорщик казачьего войска, мой прадед, Гушин Павел Георгиевич, отец моего деда Андрея.

Прадед прожил короткую и яркую жизнь в доброй, набожной, зажиточной семье. Был классифицирован советской властью как «средняк», хотя до недавнего времени это обстоятельство считалось отрицательным и презираемым фактором.

Окончил казачью гимназию, как полагается. Семья была «справная».

— А што ж, лошадок водили. Подённых ни нанимали, ни гребовали. Роднёй обходилися. Та кумовья, та свояки. Здоровые усе, як битюги, сидают вечерять за столом плечо до плечу — просвету дажить нету, — ворковала моя бабушка Пелагея, довязывая нескончаемые носки.

Портрет прадеда храним и почитаем в семье. На фотографии Павел Георгиевич рядом с женой Натальей Гушиной, в девичестве Распаркиной.

Понятно, кто хозяин в доме. Высокомерен, пристальный цепкий взгляд, не широк в плечах, но статен, крепок.

«Нихто и ни побарывал ево. Дюже ловкий. В джигитовке — спасу нема. Джигит славный. И пид лошаку як пиднырнётъ. Раз — и опять у седле. Бачишь, утирку с земли подымал на кинджал. Раз — и рубает её надвое, тож со свистом.

Лихой, глаз блескучий, зубы скалит. Точно чечен. Любили ево. Дюже справедливый. Не гневлив. Не жадён. На войну с конём ходил, Бог сохранил обох».

От черкесской родни многим поколениям достались сросшиеся брови, горбатые носы и тонкие талии. Да любовь к лошадям, которых холили и лелеяли, любили крепче, чем жён.

Революцию прадед принял молча. Не каялся, не кланялся, не заигрывал с властью. Шею не гнул ни перед кем. Свою землю, семью, веру не предавал. За Бога, Царя и Отечество. Монархист.

В октябре 1917 года Кубанское войсковое правительство постановило не признавать Совет народных комиссаров. Объявило в Кубанской области осадное положение.

У Павла Георгиевича были в хозяйстве лошади «чистокровки». Коннозаводчик, как сказали бы сейчас. Имелись стадо овец и коровы.

Двор занимал почти весь квартал-кубик в центре станицы. По нынешнему плану города — между зданием милиции и пятой школой. Между улицами Ленина, Потыльчака, Ободовского и Красной.

Большой двор, большое хозяйство, большие заботы.

«Дюже справный хозяин був, мой свёкор, тай и мужик гарный. Ни исты сам, пока остатне харчуемо», — авторитетно заверяла бабушка Поля на своём удивительном, непонятном наречии.

Много работал сам и заставлял работать других: «Безве-

рье да безделье душу губят», — это была его любимая прическазка.

«В праздник с утра отдай должное Богу, а после обеда отдай должное работе, не ленись».

«Кто рано встаёт, тому Бог даёт».

Эти его присказки от бабушки я слышала каждый день.

Его внучка, моя тётушка Валя, пишет о нём в своих воспоминаниях: «Занимался хлебопашеством, разводил лошадей, служил. Был грамотным и умным, уважаемым человеком, по словам старых людей. Шли к нему с просьбами, за советом, в долг занять. Никому и ни в чём не отказывал, как отец родной был. Обмана, наветов не любил. „Не по-божески, не по-людски это“, — говорил».

Краевое правительство прислало в Усть-Лабу полковника Селезнёва для формирования Добровольческой армии. Совет депутатов арестовал их.

В станице две власти — атаман и Совет. Странное, страшное время. Границей между вооружёнными лагерями стала улица Мостовая.

29 января 1918 года в станице провозгласили Советскую власть.

В августе 1918 года генерал Деникин занял Краснодар. Началось наступление его войск на Армавир.

В сентябрьских боях 1918 года под Усть-Лабой в белогвардейскую армию Деникина влились казачьи части станицы. Часть казаков вошла в Таманскую красную армию.

«Кзаки, вы за красных или белых?»

Павел Георгиевич считал, что белое движение проиграло. Но и в красное революционное движение не верил.

Сын шёл против отца, брат против брата. У каждого была своя правда.

Страшное время — время мести, сведения счётов, доносов, клеветы. Зависть, злоба, ненависть — всё прикрывалось революционными, анархистскими, монархистскими лозунгами.

Остаток 1918 года, весь 1919-й и до марта 1920-го станица Усть-Лабинская находилась во власти деникинцев.

«Тут надо крепко подумать, не сгоряча рубать. Кто прав, кто виноват? За кого ты? За белых? За красных? За кого воевать? Против кого? Круг казачий собирать. Гутарить — не значит дело делать. Мы, казаки, люди служивые, границы Родины защищать призваны, с бусурманами воевать, а не на братоубийство идти. А после рати много хоробрых кулаками махать», — останавливал спорящих Павел Георгиевич.

К его мнению прислушивались, его любили и ненавидели, влияния на казачий круг боялись.

В 1924 году он был зверски убит бандитами в ночном, на пастбище у Кубани. Бандитов было пятеро. Физически сильный Павел оборонялся, не звал на помощь. Получил семнадцать ножевых ранений.

Убил кто-то из знакомых. Родственники и соседи-станичники, которые были поблизости, на допросах плакали и в

один голос кричали: «Нет, нас тоже убьют, если скажем. Мы ничего не видали. Мы клялись землёй. Мы землю ели. Эти люди теперь у власти, грец их возьми».

В деле при расследовании записали, что Павел Гушин был убит конокрадами, возможно, цыганами.

Банда промышляла воровством лошадей и продажей их черкесам. Следы этой банды затерялись в кубанских плавнях. Дело закрыто. Убийцы не найдены.

Хоронили Павла Георгиевича всей станицей. На скромном могильном памятнике попеременно появлялись то крест, то красная звезда, то вообще рушили памятник. И мёртвым он кому-то не давал покоя, кто-то что-то ему доказывал и после смерти.

Жена Павла Георгиевича, Наталья Ивановна, была старше мужа на три года.

Отец объявил Павлу о своём решении сосватать Наталью Распаркину из небедной семьи. «Краса уйдёт, а денежки останутся тут», — потирал руки Георгий Сергеевич. А чтобы перечить сын не смел, отстегал его нагайкой знатно.

Наталья славилась вздорным характером, но мужа боялась. Часто болела, хотя пережила его на тридцать пять лет. Работала по дому, хозяйство было большое.

При советской власти работала в артели, потом в колхозе в полевой бригаде.

Женщина властная и даже жестокая, за глаза её звали Салтычихой. Она, будучи больной и лежачей в свои восемьде-

сят, норовила оттащить внучку за волосы, когда та делала ей уколы. Наверное, больно колола.

Отношение к советской власти — неопределённое. Пере-
смотра дела о гибели мужа не требовала.

Родила шестерых детей, выжили только двое: сын Андрей,
мой дед, и дочка Елена. Дочка оказалась точной материнской
копией по характеру.

Елена вышла замуж за Каркошкина Сергея Ивановича,
родила троих детей: Валентину, Алексея и Антонину.

Сергей Иванович погиб в фашистском концлагере в июне
1944 года. На фронте воевал с 1941 по апрель 1943 года. Был
ранен под Вязьмой. Красноармеец. Взят в плен. Жизнь от-
мерила ему 37 лет.

На сайте «Память народа» имеются сведения о нём:
«концлагерь Шталаг 4к-326, лагерный номер 86765. Место
захоронения: Витмаршен. Судьба: погиб в плену».

Потрясают немецкая педантичность и лицемерие. Заводи-
ли карточку, фотографировали, заранее зная, что пленный
обречён, будет уничтожен.

На меня с фото смотрит усталый человек с пронзительны-
ми глазами. Сын и внук так похожи на него.

А что стало с 86764 пленными? Их потомки помнят о тра-
гедии пленных одного из сотен концлагерей?

Альфред Хичкок, архивный №3080 о зверствах нацистов:
— То, что происходит на экране, не поддаётся описанию.
На земле лежало 10 тысяч трупов. После освобождения ещё

13 тысяч человек умерли от голода и тифа.

Цензоры запретили демонстрацию картины: «Аудитория реалистичных ужасов нацистского ада выдержать не смогла».

Родился любимый сын Павла, мой дед Андрей, 1 октября 1902 года.

Юность пришлась на годы перемен, лихие годы. Учился, окончил казачью гимназию — семь классов. После революции служил. Работал в сельскохозяйственной артели «Молот» счетоводом, как грамотный. С 1938 года — бухгалтером в колхозе. К бухгалтерской работе и к нарукавникам относился так же, как Сергей Шакуров в любимом мною фильме «Свой среди чужих, чужой среди своих».

Советскую власть принял безоговорочно.

Женился на Федорченко Пелагее Тихоновне, теперь моей бабушке. Её многие сватали, так что пришлось поухаживать за красавицей Пелагеюшкой.

Мать Наталья была против этого брака:

— Чё нашёл-то, нищевродка, голодранка. Всё богатство — песни да коса. Возьми хоча Дуньку Калиманову. Богатющая, столько приданного за ей дают. Подушек одних да перин целу подводу. А Нюська Нещеретова? Справная. Така силища, курёнку сразу голову откручивает.

— Цыц! Сам выбирает, с кем жить. Ни с подушками, перинами, горшками, — быстро остудил Натальин пыл муж. Видно, вспомнил отцовскую жениховскую нагайку, да и по-

нял, что не всегда стерпится — слюбится.

Когда бабушке Пелагее было хорошо за восемьдесят лет, она перестала помнить, что было вчера. Но очень хорошо помнила, что было шестьдесят лет назад.

— Ужо энтим лахудрам я волосёнки повыдрала, ужо по мордам-те прошлася за милу душу. Ихним курёнкам бошки-то поотрывала. Все памараки им отбила. Андрюшку отвести схотели. Нехай меня цыганкой кличут — ото всех отвела. Свекровка на свадьбу мои туфли белаи свадебные спрятала да платье с дочкой своёй Елькой прожгли на переду. Ничого. И в коричвенных пишла пид венец. А и цветом усё скрасили, — заявляла бабушка хвастливо.

Не хотела бы я быть на месте этих «лахудров». И в те годы был дефицит парней, и за них надо было бороться.

Свадьбу Андрей и Пелагея сыграли в студёный морозный день двенадцатого февраля 1921 года. Гуляли громко, весело, шумно. Родители молодожёнов ещё были живы. Гостей было много с обеих сторон: друзья, подруги, родня, соседи. Человек сто — свадьба-то казачья. Гуляй, вольные казаки!

Было счастье, пошли детки. Выжили трое детей: Людмила (1922—1942 гг.), Валентина (1925—2011 гг.), Алексей (1928—1996 гг.).

Грянула Великая Отечественная война.

Призван дед Андрей на войну 28 декабря 1941 года Усть-Лабинским РВК Краснодарского края. Красноармеец. Стрелок. Беспартийный. Письменная связь прекращена с 5 апре-

ля 1942 года. Можно считать пропавшим без вести с апреля 1942 года.

Мне с детства не нравились некоторые тётушкины рассказы о деде:

— Прискачет отец на коне и до тех пор стучит нагайкой в забор, пока мама не откроет, как бы занята или больна она ни была. Обязательно мама должна открыть ворота и завести во двор коня. А если её дома не было, тогда что? Какие-то байские привычки.

Смешно было смотреть, когда мой папа подъезжал на «Запорожце» к дому и начинал сигналить до тех пор, пока ему не открывали ворота, желательно мама.

«А коня тебе не распрячь?» — говорила она, обращая в шутку действительно смешную ситуацию.

Оба смеялись, когда я прочитала стихотворение Николая Рубцова:

Эх, коня да удаль азиата
Мне взамен чернильниц и бумаг, —
Как под гибким телом Азамата,
Подо мною взвился б аргамак!...
Но, должно быть, просто и без смеха
Ты мне скажешь: — Боже упаси!
Почему на лошади приехал?
Разве мало в городе такси?..

Прадед Тихон. Бабушка Пелагея

Бабушка Пелагея Тихоновна — мать моего отца Алексея. Её отец, Федорченко Тихон Степанович, родился в 1868 году и прожил восемьдесят семь лет.

Моя любимая тётюшка Валя, его внучка, периодически воскрешала в памяти какие-то яркие подробности своего детства:

«Семья деда Тихона проживала в городе Харькове. Его отец, Стефан, мой прадед, происходил из рода обедневших польских шляхтичей, так рассказывал мой дядя Гаврюша, младший сын Тихона Степановича. Дядя, стесняясь своей не пролетарской иностранной родни, отрёкся от неё заранее. Он был урождённым яростным пролетарием. Родственники прадеда писались Фидорчинскими. Прадед должен был стать ксендзом. Не стал.

Мы, дети, смеялись, не хотели даже слушать, когда взрослые пытались нам что-то поведать, передать какую-то частичку памяти. Вспоминаю, что иногда дедушка Тихон ласково называл нас, девчонок, паненками, а бабушку Аню — пани Анной: «Добже, пани Анна». Вспоминал о своей сестре Беате, знатной лекарке. О себе говорил, что его имя Тихон в переводе с греческого означает «судьба».

Нам было смешно и весело. Мы жили в двух мирах. Дома говорили и делали одно, а в школе совсем другое. В школе

нас учили, что Бога нет, нельзя, совестно быть богатым. Не по-пролетарски иметь два платья, две пары туфель. Любить и почитать своих родственников стыдно: неизвестно, что за родословная у них.

Все мы — единая семья пролетариев без корней, без истории, но с одной объединяющей идеей. У нас нет никакого прошлого, но есть счастливое будущее.

Даже почин такой был в школе: принести иконы, царские дореволюционные фотографии своей родни. Потом всё это вожатая жгла на костре, когда проводила торжественные линейки. Эх, хорошо в стране советской жить!

А дома говорили, что есть Бог, Матерь Божья. Прятали иконы, тайно молились, отмечали церковные праздники. Чему, кому верить? Я даже не запомнила, хотя мне рассказывали, почему семья дедушки Тихона оторвалась от своих корней, связала жизнь с «ридной Вкрайной».

«Нельзя никому говорить о дедушкиной родне, идите, поиграйте во двор, дитыньки», — испугано шептала бабушка Анна. Спешно выпроваживала нас из хаты, крестя вдогонку, если мы путались под ногами взрослых.

Тихон ушёл из родного дома, где прочили его в священники. Родился Тихон садовником по призванию, а ещё «харьковским ходоком». Ходоки — это не профессия, это стиль жизни. Чего вы смеётесь?

Людей, которые шли куда-то в поисках определённой работы, раньше так и называли. Не лучшую жизнь или новые

впечатления искали они, а именно работу по душе, работу-хобби.

И вот, дедушка Тихон пришёл на Кубань. Это и была та земля обетованная, которую он искал, выходил своими ногами. Здесь женился. Работал садовником у богатого человека. Честный и порядочный, миролюбивый и добрый, мастер на все руки. Что ни посадит, всё приживается. И земля кубанская помогала, силушку свою отдавала.

Дедушка Тихон сорта новые яблок, груш, слив, алычи выводил. Для него построил хозяин-наниматель дом хороший на улице Калинина. Дом этот ты, Люда, застала, видела его. Да и самого прадеда ты застала. Он играл с тобой, подарил детские самодельные грабельки, коляску и ведёрочко. Вы вдвоём собирались жить в саду».

В детской памяти моей всплывает образ маленького худенького старичка, похожего на Святителя Николая Чудотворца. Аккуратная седая бородка, прозрачные пергаментные руки. Он пахнет мёдом, взваром и цветами.

Коляска прожила со мной лет до семи. Сказочная, яркая, расписная карусель.

— Дедушка Тихон всю жизнь, и до, и после революции, работал в саду. Вначале бригадиром в садоводческой бригаде. Вышел на пенсию — остался сторожем там же, при любимом саде. Люди вспоминают деда только добром.

— Тётя Валя, а этот хозяин приходил к деду Тихону в гости после революции?

— Много, много хороших людей унесла революция. Человек человеку не был братом, скорее был волком. Об этом хозяине осталась добрая память: меценат, кормилец, друг. Если бы не он...

Что стало с хозяином-нанимателем, богатым человеком после революции, тётушка не рассказывала. А только говорила: «Ну, это грустно. Вам знать не надо». Украдкой вытирала слёзы фартуком.

«Диагноз: артериосклероз и кардиосклероз», — написано в акте смерти Тихона Степановича. Всю жизнь отдавая работе, прадед и умер, сажая новый урожай. Уткнулся лицом в любимую им землю. «Готовься сам умирать, а землю готовь к жизни». В последние годы, когда болел, сажал, окучивал грядки, стоя на коленях.

Меня потряс дом Тихона, похожий на горскую саклю. Такие жилища я видела только на картинках. С открытой верандой во всю длину дома, на столбах, с плоской крышей. Дом был очень необычен и как-то особенно подходил сказочному саду, маленькому пруду, цветникам, зарослям ежевики и малины. Они дополняли друг друга, создавая удивительный призрачный пейзаж.

Куинджи. Где Вы, ценитель света и тени? Во всём чувствовалось пространство, чистота и законченность линий. Полный солнца, света, ветра, счастливый дом звенел, трепетал, как летящий скакун, как выпущенная умелой рукой стрела.

В этом необычном доме жили внуки Тихона Степановича: Виталий и Вячеслав, дети погибшего его сына Гавриила. Я очень завидовала тому, что они жили в сказке, в пряничном домике.

Большой ухоженный яблоневый сад. И этот сад я застала, ела необычайно вкусные и красивые яблоки всех цветов и размеров, и пахли яблочки все по-разному.

Мне запомнилась тоненькая яблонька-дичка, как хворостинка. Согнулась под урожаем, под несколькими крупными краснощёкими прозрачными, будто стеклянными, яблочками. Какие-то ёлочные игрушки качались на ветках. Сорт яблочек называли «Полюшка».

«Дед вывел, его последний подарок маме», — вздыхала тётушка, вытирая мокрые глаза. — Тихона Степановича чтители, называли добрым волшебником. Да и было за что. Он оказался самым рассудительным и миролюбивым в нашей «взрывной» семье».

Разбирая остатки сохранившегося домашнего архива, я с удивлением обнаружила, что прадед писался как Федорченков Тихон Стефанович, поляк. К русским, украинским, чеченским корням добавились ещё и корни польские.

Прадед был патологически честным человеком. Даже в голодное время не позволялось его детям и внукам рвать яблоки в колхозном саду, только собирать «падалку», да и та выдавалась на его трудодни.

А гордость? Это семейное. Его внук, мой отец Алексей,

родился в рубашке. Родился не благодаря, а вопреки. В детстве Лёшка много болел, голодал. На семейной фотографии засветился пятилетний мальчуган с большой головой, ушами-локаторами. Измождённое лицо, тоненькие ножки, большой рахитичный живот.

«Цеплялся за жизнь худющими ручонками и рёбрами, — говорила Валя. — Хлеб пополам с лебедой, с мякиной, и то не досыта. Сам, рахитик, умирал, а нас, старших, подкармливал.

Было очень голодное, страшное время. Дед Тихон приглашал на ежедневные обеды нас, своих внуков: «Чем сами богаты». И я, и Людмила стеснялись, не хотели объедать дедушку и бабушку. А Алексея забирала бабушка за ручку.

Он надевал единственную рубашку, подпоясывался. Пирожки из его тарелки, картошка попадали за пазуху мальцу, а потом добыча уносилась сестричкам. Конечно, дедушка с бабушкой всё замечали, но не хотели обидеть маленького гордеца. Брал он только из своей тарелки и наотрез отказывался от гостинцев.

Тогда Тихон Степанович придумал хитрость. Перед Лёшкой ставили полную тарелку пирожков и ковригу хлеба, если была. Яблочки — в другую тарелочку. Сами уходили делать домашние дела, а Лёнчику наказывали не вставать из-за стола, пока тарелки не будут чистыми.

Через минуту они слышали: «Пока, дедушка, бабушка», — уже от калитки, и топот босых ног. Ну, хорошо, сестрички

будут накормлены.

Жена Тихона Степановича, бабушка моя, значит, Федорченко Анна Федотьевна, на два года моложе мужа. Прожила по тем меркам долго — семьдесят шесть лет. Работала в овощеводческой бригаде, выращивала помидоры с голову ребёнка, а тыквы — размером с карету Золушки, как утверждали соседи, знакомые.

Анна с Тихоном очень подходили друг другу. Оба любили землю, творили на ней чудеса.

Бабушка была доброй, честной, миролюбивой женщиной. Её семья была совсем бедной, бежала от помещика из Курской губернии. Анна работала с детства «в наймичках». Умела всё — и за детьми приглядеть, и хлеб испечь, и со скотиной управиться. И больных поднимала, травы разные знала. Целительница.

Ни разу ни бабушка, ни дедушка не повысили голоса на детей или друг на друга. Всегда с улыбкой, всегда по-доброму.

Дедушке Тихону и прозвище станичники дали «Честной», а бабушке Анне — «Лекарка». Это не прозвище, а, по моему, звание».

Реальная жизнь была далека от сказки. Хотя дети и рождались каждый год, но рождались, чтобы сразу умереть.

Голод, безмерные каторжные полевые работы. Всегда в согбенном состоянии. Серп, коса. Работали все от мала до велика, несмотря на болезни, недомогания, недоедание.

Детишек брали с собой в поле, в огород. Больных детей оставляли с соседской бабкой, квартальной. У неё своё хозяйство, не до плачущих, сопливых ребятишек. Вместо соски в рот — мякиш жёваного хлебца в тряпочку, и живите, как можете.

Батюшки, а этот помер — значит, не судьба.

Но трое детей в семье Федорченко выжили.

«Было у них два сына и одна дочь, — повествовала сказку тётушка далее. — Старший сын, Алексей, 1900 года рождения, погиб в 1917 году; убежал в Петроград делать революцию. Самовольный хлопец, видный, характера крутого, не в отца и мать. Делал, что хотел, упрямец, но совестливый, честный и справедливый. Станичники передали: сгорел на их глазах. Могилки нет.

Второй сын, Гавриил, 1906 года рождения, с малых лет принял революцию. Считал себя бойцом пролетарской революции, интернационалистом. Работал по направлению наркома в городе Орджоникидзе, обучал рабочих. И экскаваторщиком был, и трактористом, и шофёром. Толковый парень, в технике любой разбирался.

Потом отозвали в Усть-Лабу прорабом, стройки начались крупные. Комсомолец, всегда со значком, при костюме, при галстукe, горел на работе. Родители настояли — женился на красавице Анне. Родились двое сыновей: Виталий в 1937 году и через три года, перед войной, — Вячеслав.

Гавриил, или по-свойски Гаврил, воевал, попал в плен в

1942 году. Бежал, воевал опять и погиб на Украине.

Нам в 1989 году присылали следопыты весть, где дядя Гаврюша будет перезахоронен. Украина, Черниговская область, Щорский район, село Жоведь, братская могила. Но поехать не смогли, не позволили обстоятельства. Умерла мама, ваша баба Поля.

Дочь Пелагея, ваша баба Поля, родилась на Покров в 1901 году.

Исполнилось Поле в октябре 1921 года двадцать лет, и её посватал Андрей Гущин, ваш дедушка. Увидал её летом на игрищах, «под горой» в хороводе, где вся Усть-Лаба собиралась. Потом в церкви на Троицу. Околдовала, за душу взяла.

Красавица Пелагеюшка и пела, и плясала лучше всех, и Бога чтила. Самая видная невеста была, только приданое маловато — ни коней, ни овец, ни коровы, одна краса да коса ниже пояса.

Полюбил Андрей крепко: три раза кубанку свою забрасывал к ней во двор. А она всё не соглашалась за него замуж: «В девках похожу, твоя мать-то против такой невестки».

Андрей против матери пошёл, чего никогда не бывало. Свадьбу назначили на февраль, хотя мать и настаивала годок-другой погодить. Боялся долго ждать, а вдруг отобьют.

Вышла Поля замуж по взаимной любви. Но жизнь оказалась нелёгкой. Поднимал на неё руку с плёткой любимый муж, если не успевала ворота отпереть да коня принять. Или рожать надумала, когда в хате надо белить. Или книжки

убрала из горницы не вовремя. Поминал, что необразованная, не казачьих кровей. Кубанку со двора выбрасывала — позор на всю станицу.

Не любила Пелагею свекровь за жизнерадостность, за гордость, за весёлый нрав. Нищевродкой кликала всю жизнь.

Поля проработала полеводом в сельхозартели «Молот», потом в колхозе, и всё с песней.

Было нас трое детей: Людмила, Валентина и Алексей — те, кто остались в живых. Людмила погибла под бомбёжкой в 1942 году в Армавире. Училась в мединституте.

Я, знаешь, ещё жива. Твоя тётушка Валентина Андреевна».

Моя бабушка, Гущина Пелагея Тихоновна, не любила вспоминать о прошлом. Она всегда жила только настоящим.

Но всю свою жизнь ждала родных и близких, которых не было рядом с ней.

Я тебя очень люблю, моя Пелагеюшка.

До встречи.

Твоя внучка.

Когда папа был...

«Когда папа был маленьким» — так называлась авторская передача Жанны Перелевой, которая звучала в эфире «Радио России» по субботам.

Мне нравилась эта радиопередача. Нравилась своим позитивным, миролюбивым настроем и тёплой душевной атмосферой.

В каждом выпуске передачи Жанна предоставляла возможность талантливым и незаурядным людям рассказать о своих отцах. Мой папа тоже был незаурядной личностью. Теперь уже просто и грустно «был».

А еще в нём удивительным образом уживались простота и врождённое чувство стиля...

Элегантность без пафоса

Именно с отцом у меня сложились по-настоящему глубокие, трогательные и доверительные отношения. Я всегда знала, что и мужа моего непременно будут звать Алексеем и он должен будет понравиться в первую очередь папе. Моему папе.

Эти бывшие «дети войны» обладали широкой душой, выросли щедрыми и отзывчивыми, несмотря на то, что детство их едва ли можно было назвать счастливым и безоблачным. В военные годы семья отца существовала впроголодь, не было элементарных вещей. Возможно, именно это обстоятельство в дальнейшем сыграло ключевую роль в его жизни.

Папа ценил красивые вещи, любил одевать маму и меня. Но для себя почти никогда и ничего не покупал: «Я и так хорош, Люда! Любите меня таким!»

За свою недолгую, но насыщенную событиями жизнь папа приобрёл всего два костюма. «Всего два, но зато „бостон чистой воды“», — любил пошутить он. И пусть костюм у папы не новый, но рубашка обязательно должна быть отутюжена идеально, а ботинки начищены до блеска. И ещё... шляпа!

Я не знаю, откуда взялась эта непреодолимая тяга вчерашнего дворового пацана к богемному шику, но шляпы папа выучился носить лихо. В нашем доме их было десятка два — разных форм, расцветок и стилей.

Когда папы не стало, я невольно начала обращать внимание на уличных прохожих — папиных ровесников, вернее, на то, как они носят шляпы. Казалось бы, какой незначительный штрих, несущественное дополнение к внешнему облику человека — умение носить шляпу!

Но даже в подобных мелочах мой папа был неподражаем!
Когда папа был...

А крыша — подождёт!

Я училась в политехе в Н-ске, под Ростовом. У папы были рейсы в Ростов: он работал на пассажирском автобусе. Я приезжала на вокзал, даже когда свободного времени было в обрез. Мы гуляли по городу и разговаривали, разговаривали. Я всё знала о доме, а папе докладывала, как жила вдалеке от семьи.

В Ростове открылась выставка «Товары населению». 1973 год. Купить в магазинах нечего, только смотреть.

В витрине центрального универмага висит сногшибательная дублёрка с надписью на стекле: «ЗИМА». Вещь из какой-то другой, нереальной жизни. Это сродни Кремлю или Эйфелевой башне: просто смотреть издали и наслаждаться.

В другой витрине — яркое платье умопомрачительной расцветки из неизвестного космического материала. Платье феи, нет, ФЕИ. На груди украшения: цветы, бусинки.

Рядом, под блёклой надписью «ОСЕНЬ», манекен в клетчатом пальто — в оранжевую и коричнево-жёлтую крупную клетку. Что-то натянуто на ногах до колен, блестит лаком. Как потом оказалось — сапоги-чулки, я такой красотищи никогда и не видела. А в руках этот «жадный» манекен держал бусы, огромное монисто под янтарь. Я застыла на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.